

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/TWXJIF>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

«ТУБЕРКУЛЕЗ КУПОРОСОВИЧ!»
О МАРГИНАЛИЯХ И. БУНИНА
НА «СОБРАНИИ СТИХОВ» В. ХОДАСЕВИЧА

© 2023 г. Е.В. Волкова, З.С. Закружная
*Московский педагогический государственный
университет, Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*
Дата поступления статьи: 07 марта 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 13 апреля 2023 г.
Дата публикации: 25 сентября 2023 г.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-214-231>

Аннотация: В статье вводятся в научный оборот и впервые исследуются маргиналии И.А. Бунина на «Собрании стихов» (1927) В.Ф. Ходасевича из фондов Русского архива в Лидсе (РАЛ). Комплексный анализ маргиналий И. Бунина, предпринятый авторами статьи, позволяет уточнить как эстетические и общепозэтические принципы самого И. Бунина, так и его отношение к поэзии В. Ходасевича. В результате исследования сделаны выводы о том, что в своих маргиналиях И. Бунин предстает традиционалистом, ратующим за классические эстетические ориентиры. Он не приемлет символистского мировоззрения и модернистской поэтики, смешения прозаизмов и поэтизмов, сниженной «физиологической» образности, использования разнородных лексических и стилистических пластов. Именно эти характерные черты поэзии В. Ходасевича вызывают негативное отношение И. Бунина, отразившееся в его пометах и комментариях. Отрицательные маргиналии И. Бунина связаны и с биографическим подтекстом стихотворений В. Ходасевича, не всегда «считываемым» И. Буниным, а также с аллюзиями на образы поэзии А. Белого и А. Блока.

Ключевые слова: И. Бунин, маргиналии, архив, В. Ходасевич, поэтика, А. Блок, А. Белый, символизм, русское зарубежье.

Информация об авторах: Екатерина Валерьевна Волкова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: ev.volkova@mpgu.su

Зоя Сергеевна Закружная — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6798-1582>

E-mail: z.zakrzhnaya@mail.ru

Для цитирования: Волкова Е.В., Закружная З.С. «Туберкулез Купоросович!» О маргиналиях И. Бунина на «Собрании стихов» В. Ходасевича // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 214–231.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-214-231>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 3, 2023

“TUBERKULEZ KUPOROSOVICH!” ON I. BUNIN’S MARGINALIA AT V. KHODASEVICH’S “COLLECTION OF POEMS”

© 2023, Ekaterina V. Volkova, Zoya S. Zakruzhnaya
*Moscow Pedagogical State University,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*
Received: March 07, 2023
Approved after reviewing: April 13, 2023
Date of publication: September 25, 2023

Abstract: The article introduces into scientific circulation and for the first time examines the marginalia of I.A. Bunin at the “Collection of Poems” (1927) by V.F. Khodasevich from the funds of the Russian Archive of Leeds (RAL). A comprehensive analysis of the marginalia of I. Bunin, undertaken by the authors of the article, allows to clarify both the aesthetic and general poetic principles of I. Bunin himself, and his attitude to the poetry of V. Khodasevich. As a result of the study, conclusions were made that in his marginalia I. Bunin appears as a traditionalist advocating for classical aesthetic orientation. He does not accept the symbolist worldview and modernist poetics, the mixing of prosaism and poetism, reduced “physiological” imagery, the use of heterogeneous lexical and stylistic layers. It is these characteristic features of V. Khodasevich’s poetry that cause the negative attitude of I. Bunin, which is reflected in his marks and comments. The negative marginalia of I. Bunin are also associated with the biographical context of V. Khodasevich’s poems, which is not always “read” by I. Bunin, as well as with allusions to the poetry of A. Bely and A. Blok.

Keywords: I. Bunin, marginalia, archive, V. Khodasevich, poetics, A. Blok, A. Bely, symbolism, Russian diaspora.

Information about the authors: Ekaterina V. Volkova, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, M. Pirogovskaya St. 1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: ev.volkova@mpgu.su

Zoya S. Zakruzhnaya, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6798-1582>

E-mail: z.zakruzhnaya@mail.ru

For citation: Volkova, E.V., Zakruzhnaya, Z.S. “‘Tuberkulez Kuporosovich!’ On I. Bunin’s Marginalia at V. Khodasevich’s ‘Collection of Poems’.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 214–231. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-214-231>

В одной из своих ранних рецензий в 1917 г. В.Ф. Ходасевич сформулировал принцип, разумеется, не им открытый, которым можно руководствоваться при изучении творчества многих авторов: «Конечно, писатель познается не по тому только, что пишет он сам, но и в известной мере и по тому, что для него наиболее ценно из написанного другими; “пристрастия” художника порою не менее говорят нам о его душе, чем его собственные создания» [29, с. 239]. Пометы на прочитанных книгах, журнальных публикациях и иных материалах нередко выявляют эти «пристрастия».

В нашей статье предметом анализа становятся маргиналии И.А. Бунина на присланной ему в подарок книге — «Собрании стихов» Владислава Ходасевича, изданной «Возрождением» в 1927 г. Экземпляр с маргиналиями И. Бунина находится в Русском архиве в Лидсе¹ (Leeds Russian Archive) в Великобритании вместе с другими книгами и журналами, на которых Бунин оставлял свои пометы. В каталоге этих материалов книга В. Ходасевича значится как отдельная единица хранения (MS 1066/10555) с аннотацией: “Khodasevich V F (1927) copy of *Sobranie stikhov* in Paris: *Vozrozhdenie* edition, with dedicatory inscription from V F Khodasevich to I A Bunin 1 vol; printed, with MS amendments; Russian” [32, p. 209]. На форзаце книги — дарственная надпись: «Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину с искренною любовью. Владислав Ходасевич. 1927, 20 ноября. Париж» (РАЛ. MS 1066/10555). «Собрание стихов» 1927 г. оказалось последней поэтической книгой Ходасевича, опубликованной при его жизни. В нее вошли только три книги стихов — «Путем зерна», «Тяжелая лира» и «Европейская ночь». Послед-

1 Далее — РАЛ.

няя ранее отдельно не публиковалась. Две ранние книги — «Молодость» и «Счастливый домик» — Ходасевич в свое собрание не включил, считая их недостаточно зрелыми. И.А. Бунин внимательно прочел подаренную книгу — его пометы, сделанные карандашом, относятся к 34 стихотворениям.

Тема бунинских маргиналий на книгах и журналах уже привлекала внимание исследователей². По мнению О.А. Коростелева, эта тема далеко не исчерпана [8, с. 228], и мы с этим согласны. В настоящей работе мы пытаемся ее продолжить.

И. Бунин и В. Ходасевич относились друг к другу уважительно и заинтересованно, интенсивность их личного общения бывала разной, и сюжеты, связанные с их отношениями, еще ждут своего исследователя. Биографическая канва взаимоотношений писателей наиболее полно восстановлена во вступительной статье Дж. Малмстада к публикации переписки двух авторов [20].

Личное знакомство И. Бунина и В. Ходасевича состоялось в конце 1906 г., а в его начале молодой рецензент «Золотого Руна» Ходасевич с символистских позиций отозвался негативно о сборнике Товарищества «Знание» (книга VII), упомянув в своей статье и Бунина: «В каждой книжке “Знания” <...> среди однообразно-серой массы есть по одному интересному произведению... Здесь — “Дети солнца”, новая драма Максима Горького, и рядом рассказы Скитальца, Кипена, стихи Бунина и др., — ничего не значащие, ничего не говорящие страницы скучных стихов и дряблой прозы» [29, с. 31]. В 1917 г. Ходасевич, уже указывая в рецензии на сборник И. Бунина «Чаша жизни» на «прекрасный язык этого писателя, его благородную сдержанность» [29, с. 589], все-таки заметит, что «стихи гораздо слабее рассказов» [29, с. 589]. В дальнейшем Ходасевич к своим ранним критическим работам эпохи журналов издательства «Гриф» — «Золотого Руна» и «Искусства» — будет относиться негативно, рассматривая их как «грехи молодости»: «Дело прошлое и детское, а все-таки я бы дорого дал за то, чтобы уничтожить всю ту чушь, которую я печатал в “Искусстве”» [25, с. 531]. Иначе он отнесется и к творчеству И. Бунина, напишет о нем несколько статей, будет очень высоко ценить Бунина-прозаика, но прохладное отношение к нему как к поэту сохранит навсегда. Отмечая «благородство» и «сдержан-

2 См., например: [4; 5; 8].

ность» бунинской поэзии, Ходасевич в своей статье о ней, которую так и называет — «О поэзии Бунина» (1929), — честно пишет: «Не разделяя принципов бунинской поэзии (напрасно стал бы я притворяться, что их разделяю: мое притворство было бы тотчас и наиболее наглядно опровергнуто хотя бы моими собственными писаниями), — я все же хочу сказать, что существует нечто, переступающее все принципиально-поэтические барьеры: это самый факт бунинской поэзии, прекрасный факт...» [26, с. 187–188]. Обсуждая эту же статью («О поэзии Бунина») в письме М. Вишняку, Ходасевич более резок и ироничен:

Берегите это письмо: со временем Вы получите за него бешеные деньги, когда человечество присудит мне титул короля эвфемизмов <...>. Результаты предвижу: стихотворцы меня проклянут за то, что я Бунина перехвалил; обыватели — за то, что недохвалил; Гиппиус — за то, что я припомнил, как она восхваляла Бунина; Бунин — за то, что я не провозгласил его римским папой. Сегодня ночью Истина придет ко мне в пижаме (она больше не ходит голой), разбудит и скажет:

— Владислав Фелицианович, вы сделали все, чтобы против меня не погрешить — и чтоб не обидеть почтенного старика. Он в своей жизни написал несколько сот дрянных стихотворений и с десятком хороших. Иные не написали и этого. Спите спокойно [27, с. 512].

В письмах же к самому Бунину и в это время, и позднее Ходасевич высказывает свое отношение и откровенно, и уважительно: «Вчера получил я польский журнал с моею статьей о Вас. Сводится она к тому, что в стихах заняли Вы позицию оборонительную, пассивную, упорствуя против символизма и в этом упорстве отвергая правды символизма, чтобы не разделить ни в чем его заблуждения» [20, с. 201]. Думается, что высказанная здесь мысль отчасти объясняет некоторые негативные пометы И. Бунина³ на полях «Собрания стихов» В. Ходасевича⁴. Там, где автор «Листопада» видит образы, характерные для символистской поэзии, он

3 Все маргиналии И. Бунина и отмеченные им строки стихотворений В. Ходасевича в статье цит. по: РАЛ. MS 1066/10555.

4 Все стихотворения В. Ходасевича, входящие в состав «Собрания стихов» 1927 г., в статье цит. по: [28].

категорически не принимает их — на полях книги появляются крестики и восклицательные знаки. Так, например, отмечены крестиком стихотворения «Со слабых век сгоняя смутный сон...» и «Сны». В последнем Бунинным отчеркнуты строки «Лишь явно мне, что некий ответ новый / Лежит на всем» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 23). В стихотворении «В заседании» отчеркнуты строки «Лучше сном к себе приближу / Неизвестную зарю» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 87). Возникающий во многих текстах Ходасевича мотив «сна», находящийся в соприкосновении с такими словами, как «бред», «падение в бред», «прорыв» к чему-то тайному во сне, очевидно связан с символистской идеей пересоздания мира искусством, прорывом в тайные сферы, где и сосредоточен смысл или смыслы искусства и жизни в целом⁵. Но Ходасевич трансформирует этот комплекс мотивов, связанных со сном, по-своему. «Почти свободная душа» [28, с. 131] поэта стремится прорваться в иные миры. Эту особенность отметил еще А. Белый, говоря о том, что в «почти» и «чуть-чуть» — суть поэзии Ходасевича [13, с. 137]. По всей видимости, пометы Бунина связаны именно с неприятием им и подобного символистского мировидения, и того уникального изменения его, которое мы наблюдаем в поэзии Ходасевича периода «Путем зерна» и «Тяжелой лиры».

Эта трансформация символистского «рефлекса»⁶ в стихах В. Ходасевича находит свое выражение в лексике и образах, которые тоже вызывают несогласие Бунина-читателя. Так, например, на полях книги отмечено крестиком стихотворение «Ласточки», где слова «Пока вся кровь не выступит из пор, / Пока не выплачешь земные очи, / не станешь духом...» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 91) характеризуют одну из основных черт поэтики Ходасевича — модернистскую современность ее образной системы⁷. З. Гиппиус назвала Ходасевича поэтом, принадлежащим «нашему часу; и даже, главным образом, узкой и тайной остроте этого часа» [19] не случайно. Но,

5 Ср.: «Само описание процесса творчества как истинного постижения мира, где бытовое начало полностью преодолено и оживлено бытийственным, в точности соответствует тому, что писали о своем искусстве сами символисты» [3, с. 113].

6 Выражение «рефлекс символизма» мы используем вслед за О.А. Коростелевым. См.: [8, с. 226].

7 Любопытно, что, к примеру, строки «Я полюбил железный скрежет / Какафонических миров» [28, с. 158], которые тоже в полной мере отражают модернистскую направленность образной системы Ходасевича, Бунин не отметил.

вероятно, именно эта «современность» поэтики Ходасевича оказывалась не близка традиционалистски настроенному Бунину.

В «Ласточках» заметен еще один момент неприятия Буниным поэтики своего младшего современника — стремления к использованию «антипоэтизм». Таким образным выражениям, как «кровь, выступающая из пор», по мнению Бунина, вероятно, не место в поэтической речи. Они антиэстетичны — возможно, так следует трактовать бунинское «Фу!» — маргиналию, сопровождающую преимущественно стихотворения из цикла «Европейская ночь». Мы находим это «Фу!» при строчках «Дневным сиянием объятый / Один беззвездный вижу мрак... / Так вьется на гряде червяк / Рассечен тяжкою лопатой» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 93). «Клубки червей полезли на дорогу» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 142) — подчеркнутая бунинским карандашом строчка из стихотворения «Дачное», вызвавшая ту же реакцию. Финал этого стихотворения, где к «блудливым невестам» «под юбки лазит с фонарем / Полуслепой ширококоротый гном», Бунин подписал: «Глупо и гадко!» (РАЛ. MS 1066/10555 С. 142).

«Гадко!» — отмечает Бунин в стихотворении «Из дневника» строчки «Прорезываться начал дух, / как зуб из-под припухших десен» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 99). Первая строфа этого стихотворения отчеркнута: «Смотрю в окно — и презираю. / Смотрю в себя — презрен я сам...» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 99). Эта авторская позиция, заявленная в «Тяжелой лире», в «Европейской ночи» приведет к мучительному неприятию и себя, и мира, который изображается с физиологическими подробностями, число «антипоэтизм» в цикле «Европейская ночь» растет. Растет и возмущение И. Бунина по их поводу, выраженное в подчеркиваниях строк, отчеркиваниях и пометах на полях. И думается, что само обращение к образам современной «европейской ночи» [28, с. 162], «уродищам и уродам» [28, с. 168], «вонючей метле» [28, с. 169], «крутолобому зародышу» [28, с. 179], солнцу, которое «брызжет раскаленными взрывами» [28, с. 163], оказывается для Бунина неприемлемым.

«Антипоэтизмы» в поэтике В. Ходасевича связаны и с прозаизацией поэтической речи, которая также, судя по маргиналиям, вызывала неудовольствие и непонимание Бунина. Позиция Ходасевича, выраженная в сти-

хотворении, открывающем «Европейскую ночь»⁸, — «И каждый стих гоня сквозь прозу, / вывихивая каждую строку...» [28, с. 157], — Бунину не близка и совершенно непонятна. Так, знак вопроса на полях вызывает стихотворение «Интриги бирж, потуги наций...», в котором Творец («Некто мудрый и сердитый») «развеселится», «забудется» и закончит существование «беззаботного мира»: «И все исчезнет невозвратно / Не в очистительном огне / А просто — в легкой и приятной / Венецианской болтовне» [28, с. 173]. Прозаизация речи, выходящая за приемлемые для Бунина рамки, «поэзия, прошедшая через опыт не только прозы, но и того, что даже для прозы оставалось прикровенным, не всегда входило в ее арсенал» [3, с. 120], концепция мира, в котором творение и «болтовня» приравнены, непонятны Бунину. С этим же, вероятно, связаны и восклицательный знак и подчеркивание при строчке «Замри или умри отсюда» из стихотворения «Большие флаги над эстрадой...» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 115). Надо сказать, что эта строчка обратила на себя внимание не только Бунина, но и рецензентов «Собрания стихов» — и В. Вейдле, и З. Гиппиус, и Д. Мережковский отметили необычность этого образа⁹.

Можно, конечно, увидеть здесь характерное для Бунина недовольство неудачным, по его мнению, выражением. Подобного рода подчеркивания были исследованы в статье о маргиналиях И. Бунина на сборнике Г. Иванова «Розы», где отмечается, что «для Бунина это противоречивое поэтическое высказывание (“торжество” — “ничего”) сродни абракадабре» [8, с. 237]. В книге Ходасевича Бунин отметил подчеркиванием и восклицательными знаками выражения, которые явно ему не нравятся, так как их использование не соответствует его представлениям об этих словосочетаниях — традиционных поэтизмах. Неоправданной поэтической вольностью можно было бы назвать сравнение усопшего с «золотым ковчегом», «вмещающим всю мудрость на земле» [28, с. 93], или строчки из того же стихотворения «О, если б в этот час желанного покоя...» — «Не внемля им (друзьям. — Е.В., З.С.), на розах, на левкоях / растерянный ты нежила бы взор» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 24). Неудачным Бунину кажется и вы-

8 Об образности этого цикла подробно см.: [10].

9 Подробнее об этом см.: [6]. Заметим по ходу, что само стихотворение «Обезьяна» бунинский карандаш не отметил, что показательно: исследователи давно ломают копыя — было ли бунинское влияние в тексте Ходасевича (имеется ввиду текст Бунина «С обезьяной») или нет. Материал по этому поводу замечательно отображен в книге В.В. Зельченко [6].

ражение «Смотрит серый, вековечный / Купол неба в купол звезд» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 110). Все эти строки бунинский карандаш пометает крестиком. Такая реакция будущего нобелевского лауреата может быть объяснена тем, что использование поэтизмов у самого Бунина подчиняется другому закону — оно традиционно, «его сравнения и метафоры в значительной части традиционны. Бунин не только не избегает этих традиционных поэтических формул, но даже как бы настаивает на них» [7, с. 685], при этом, как отмечают исследователи, состав поэтизмов у него стабилен на протяжении всего творчества. Согласимся, что «лирика Бунина сделана действительно мастерски, но она другая, нежели творения модернистов, более традиционная, изысканная и орнаментальная по стилю, реалистичная по мировосприятию» [8, с. 235]. Ощущая иной поэтический язык в книге Ходасевича, Бунин выражает в своих пометках несогласие с его принципами изображения мира и человека.

На полях книги появляются и вопросительные знаки, вызванные, вероятно, непониманием Буниным образного языка Ходасевича. Некоторые из этих вопросов связаны с явно символистской образностью или образами, напрямую имеющими биографический подтекст, как, например, в стихотворении «С берлинской улицы», в котором отразились прогулки по Берлину А. Белого, Ходасевича и Н. Берберовой: «Об этих наших ночных прогулках Ходасевич написал замечательное стихотворение: мы все трое в нем — как три ведьмы в “Макбете”, — но с песьими головами...» [15, с. 195]. «Опустошенные, / На перекрестки тьмы, / Как ведьмы, по трое / Тогда выходим мы. Нечеловечий дух, / Нечеловечья речь — / И песьи головы / Поверх сутулых плеч» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 136) — эти четверостишия отмечены Буниным вопросительным знаком, видимо, в силу непонятности образа. Не менее вероятно и то, что в данном случае непонимание и неприятие вызывает явная отсылка самого построения текста к поэтике А. Белого, к творчеству и личности которого Бунин относился весьма прохладно¹⁰. Ср., например, у Белого:

¹⁰ Ср.: «Ян вдруг спросил (обращаясь к З.Н. Гиппиус. — *Е.В.*, 3.3.):

— Скажите, как вы могли переносить Блока, Белого? Я совершенно не мог. Я понимаю, что в Блоке есть та мать, которая делает поэтов, но все же многое мне в нем непереносимо. А Белый просто не поэт» [23].

В слепых очах, в глухорожденном слухе —
Кричат тела.
Беспламенные, каменные духи!
Беспламенная мгла!
Зачем простер на тверди оледелой
Свои огни
Разбитый дух — в разорванное тело,
В бессмысленные дни!

(«Тела», сборник «Звезда») (цит. по: [14])

Если соотнести этот пример с образами из стихотворения «С берлинской улицы» Ходасевича, к которому мы обращались выше, то легко заметить и ритмическое, и образное сходство двух текстов. Может быть, обращение к поэтике Белого не понравилось Бунину, но все-таки более вероятным кажется непонимание описанного — «песьи головы», «выходим по трое» и т. д. Бунин не знает биографического подтекста этого стихотворения, без этого знания изображенное представляется нелогичным, сумбурным и гротескно-фантазийным. Для Бунина такое изображение мира и человека неприемлемо.

Вероятно, тем же непониманием биографического подтекста можно объяснить вопросительный знак при строчках «А по пескам, жарой измаян / Среди здоровеющих людей / Неузнанный проходит Каин / С экземою между бровей» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 128). В воспоминаниях современников находим следующее: «У Ходасевича на лбу была неизлечимая экзема, которую он прикрывал челкой. Он считал ее той печатью, которой Бог отметил Каина — угрюмого неудачника — в знак его отверженности» [30, с. 97]. Конечно, библейский подтекст образа никто не отменял, но, думается, Бунину такая отсылка тоже могла показаться излишне высокомерной. В целом же, ощущая наличие сложного подтекста, организованного иначе, чем собственный, автор «Листопада» испытывает раздражение и недоумение, особенно в случае обращения к неблизкой ему традиции, прежде всего — символистской.

Из всей символистской традиции наиболее сложное отношение было у Бунина к творчеству и личности А. Блока. И в этом они с Ходасевичем расходились кардинально: Ходасевич и как критик, и как поэт неоднократно

но обращался к блоковской традиции и его образной системе, ставя Блока очень высоко. Г.В. Адамович вспоминал:

Поздно вечером в кафе «Мюра», вдвоем с Ходасевичем, только что расставшимся со своими партнерами-бриджистами. Он утомлен, нервен и как-то более лиричен, чем обычно. Разговор, конечно, о поэзии. Строчки Блока:

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы...
Ходасевич вздыхает, разводит руками.

— Да, что тут говорить!.. Был Пушкин и был Блок. Все остальное — между.

Эти его слова, — которые помню совершенно точно, — позднее я передал Алданову. Он был ими озадачен.

— Как? А Тютчев? А ваш же Некрасов? А, наконец, Лермонтов?

Но в каком-то смысле Ходасевич был прав, даже если в этом почти столетнем «между» были поэты и крупнее Блока [21, с. 91].

В письме же к И. Бунину лукавый Г. Адамович передает тот же эпизод, но акценты ставит иначе: «Ходасевич когда-то мне сказал: “был Пушкин и был Блок, все остальное — между”, и конечно есть в этом что-то глубоко не верное. Был, во-первых, Тютчев, для меня поэт совершенно божественный, первый из всех, был Некрасов, на которого фыркают только люди без всякого слуха к тому, что такое стихи. Блоку и до того, и до другого — далеко» [21, с. 91–92]. Все, разумеется, знали негативное, до ярости, отношение Бунина к поэзии Блока¹¹.

Отзвуки этого «антиблоковского» отношения можно найти и в пометах Бунина на стихотворении Ходасевича «Вечер», где крестиком отмечены строчки: «И к чему такая ширь / Если есть на свете смерть?» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 104). Эти строки явно тронули Бунина сходным пониманием неизбежности, неотвратимости смерти и ужаса перед ней, образно отразившимся в творчестве самого Бунина. Но финал стихотворения:

¹¹ «Блоковский вопрос» стоял для Бунина остро, об этом неоднократно вспоминали и мемуаристы, и критики, и собственные высказывания Бунина тому свидетельство. Материалы к этому сюжету можно найти в: [18].

«И никто не объяснит, / отчего на склоне лет / Хочется еще бродить, / Верить, коченеть и петь» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 104) — явно отсылает к строчкам Блока: «Только верить хочешь все, / Что на склоне лет / Ты, душа, воротисься / В самый ясный свет» [16, с. 135] — и, вероятно, поэтому не вызвал никакой реакции Бунина. Ходасевич «антиблоковские» высказывания Бунина знал, но настаивал в письмах к нему на своем: «Вы Блока недооцениваете, — ну, как я не ем устриц» [20, с. 183]. Впрочем, спор был корректный, оппоненты вежливо остались «при своих».

Другая маргиналия Бунина с вопросом относится к стихотворению «Люблю людей...». Приведем его здесь полностью:

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.

Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...

Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стригу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.

(РАЛ. MS 1066/10555. С. 78)

Бунинский карандаш отчеркивает две последние строки, они вызывают вопрос: «Кто их стрижет? Зачем?» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 78).

Начальные строки этого стихотворения являются своего рода ответом на фофановское «люби людей, люби природу» — первую строку из «Стансов сыну», где поэт предлагает принимать мир и любить его, несмотря на то что в нем есть и темная сторона, и светлая: «И сладкий мед в растенье

горьком / Находит мудрая пчела» [24]¹². Лирический субъект Ходасевича тоже «доволен малым», но разворачивает тему иначе — в пушкинскую пло-скость (см. об этом: [2]): «простое и малое», которому Ходасевич «покло-нился» в «Счастливом домике» и «Путем зерна», здесь, в «Тяжелой лире», оказывается недостаточным. «Вяз, прислонившийся к сараю» и «покрытый лесом бугорок» очевидно связаны с пушкинским «Иные нужны мне карти-ны: / Люблю песчаный косогор, / Перед избушкой две рябины...» [22, с. 205] и представляют собой декларативный отход от романтизированной образ-ности к прозаизмам, сопряженный к тому же с самоиронией. «Мишень ав-тора “Тяжелой лиры” <...> — тот “чуждый творческий тип” <...> типичным олицетворением которого является расхожая легенда о Фофанове как иде-альном безумце-романтике, задыхающемся в мире пошлой обыденности, культивируемая Игорем Северяниным (так! — *Е.В., 3.3.*) и ему подобными» [9, с. 79]. О.Н. Скляров в своей статье сосредоточился на двойственности этих стансов Ходасевича — антитезе плана выражения и содержания, при-водящей к комическому эффекту ходасевичевской поэтической декларации как «пародийно-полемическому высказыванию» [9, с. 88]. Декларативность ходасевичевского текста была более заметна в первоначальных вариантах стихотворения, особенно в отброшенной последней строфе: «Служу поэзии высокой, / Моих сограждан не кляня. / Быть может, правнук их далекий / Читать научится меня» [28, с. 414]. Думается, что именно прямолинейность в выражении своего поэтического кредо не понравилась автору. Но и ито-говый вариант казался Ходасевичу неудачным. «Я его никому не показываю, оно “не вышло”, оно огрубляет то, что хотелось написать», — замечает он в письме к А. Белому [28, с. 413]. Попыткой уйти от прямолинейности, как кажется, и становятся последние строки итогового варианта: поэт, «возде-львая свой сад», творит, не оглядываясь на читателя, «хвалу и клевету при-емля равнодушно», следуя пушкинским заветам. Для Бунина же последние две строки стихотворения Ходасевича непонятны: зачем вообще стричь ку-сты сирени? Образ не логичен, не достоверен. Использование образа одно-временно и полемически, и реминисцентно усложняет восприятие текста. Здесь за первым планом — традиционным поэтизмом («куст сирени») — находится второй — поэтическое воздвигание, работа, собственный труд,

12 Совпадение было отмечено Дж. Малмстадом и Р. Хьюзом в 1983 г. См. об этом: [1].

творчество. Подобное обращение со словом Бунину не близко и непонятно. Сопряжение прозаического «стричь кусты сирени» (само по себе нелогичное) с высокой «поэтической» темой — предназначением поэта (с большим количеством отсылок к предшествующей традиции, как утверждающих, так и полемических) — вызывает у Бунина ироническое непонимание.

Иронический комментарий Бунина на полях, но уже с восклицательным знаком, заслужило и стихотворение «Бельское устье».

В первом четверостишье Бунин отметил две последние строки: «Здесь даль видна в просторной раме: / За речкой луг, за лугом лес. / Здесь ливни черными столпами / Проходят по краям небес» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 98). Вполне «бытовое» начало продолжается «черными столпами» ливней, разительно меняя настроение, так же, как и общеупотребительные «луг и лес» сменяются «столпами» и «небесами» — лексикой, нагруженной высокими поэтическими смыслами. Эта двойственность, характерная в целом для поэтики Ходасевича, явно не нравится Бунину — и стилистически, и, думается, мировоззренчески. В том же тексте в пятом четверостишье бунинский карандаш отмечает две последние строчки: «И к девушкам, румяным розам, / Склоняясь томною главой, / Дышу на них туберкулезом, / И вдохновеньем, и Невой» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 98). Здесь, пропустив «томную главу», хоть мы бы ожидали увидеть недовольство поэтическим штампом, Бунин не мог не пройти мимо известных ему биографических обстоятельств Ходасевича — и костного туберкулеза, мучившего автора несколько лет, и «петербургского воздуха», порождением которого стала «Тяжелая лира». Назвав когда-то Ходасевича «муравьиным спиртом», который к чему ни «прикоснется, все выедает» [17, с. 146], здесь Бунин на полях свой иронический образ усилит и назовет Ходасевича «Туберкулез Купоросович!» (РАЛ. MS 1066/10555. С. 79). Про «муравьиный спирт» вспомнит потом В. Шкловский, описывая Ходасевича эпохи как раз «Тяжелой лиры», его петербургского времени, когда окончательно оформилось его тяготение к петербургской поэтике. Ходасевич пишет «Балладу» («Сижу, освещаемый сверху...») в почти круглой комнате на Невском. «У него шляхетский герб, общий с гербом Мицкевича, и лицо обтянуто кожей и муравьиный спирт вместо крови <...>. Когда он пишет, его носит сухим и горьким смерчем. В крови его микробы жить не могут. Дохнут» [31]. Вероятно, и в стихотворении «Бельское устье», вошедшем в «Тяжелую лиру», которая закан-

чивается этой «Балладой», прослеживается своеобразное «двоемирие», характерное в целом для поэтики Ходасевича: «свет, доступный избранным, становится разъедающей тьмой» [12, с. 301]. Подобное превращение или сочетание, «сопряжение далековатых идей», использование плохо сопрягаемых лексических и стилистических пластов видится Бунину как поэтически недостойное. Ходасевич же, обращаясь к поэтической традиции, пользуется тем, что, по словам П.Ф. Успенского, «в рамках корпуса текстов, принадлежащих культурному наследию, выбираются полярные составляющие, тематика и язык которых, на первый взгляд, не вполне совместимы» [11, с. 196]. Люцифер, уподобленный дачнику, стоящие в одном ряду «туберкулез, вдохновенье и Нева», обращение к «рефлексам символизма» и одновременная прозаизация поэтизмов — вот те аспекты поэтики Ходасевича, которые, судя по отметкам бунинского карандаша, приводят Бунина к ироническому итоговому заключению.

Таким образом, анализ маргиналий И. Бунина в их совокупности позволяет уточнить как общепозэтические и эстетические воззрения самого Бунина, так и его отношение к поэзии младшего современника В. Ходасевича.

В общепозэтическом и эстетическом плане Бунин в своих пометах предстает традиционалистом, ратующим за классическую эстетику, — не приемлющим символистского мировоззрения и модернистской поэтики, выступающим за стилистическую однородность поэтической лексики и образности, не принимающим смешение прозаизмов и поэтизмов, сниженной «физиологической» образности.

Именно эти характерные черты в поэзии Ходасевича Бунин отвергает своими пометами и комментариями, не всегда «считывая» биографический подтекст стихотворений Ходасевича и отторгая переключки с поэзией А. Белого и А. Блока.

Бунинское же отношение к Ходасевичу-критику будет настроенным и, насколько это было возможно для Бунина, уважительным. Но это тема отдельной статьи.

Список литературы

Исследования

- 1 Богомолов Н.А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича (Тезисы докладов) // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов научной конференции 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 77–80. URL: <https://www.ruthenia.ru/document/524655.html> (дата обращения: 05.03.2023).
- 2 Богомолов Н.А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 359–376.
- 3 Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. 640 с.
- 4 Закружная З.С. Академический Бунин. Текстологические проблемы подготовки научного собрания сочинений // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 4. С. 394–404. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-394-404
- 5 Закружная З.С., Коростелев О.А., Фролов М.А. Записи и выписки И.А. Бунина для академического собрания сочинений // *Вестник архивиста*. 2018. № 1. С. 65–73. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-65-73
- 6 Зельченко В.В. Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий. М.: Новое изд-во, 2019. 146 с.
- 7 Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. 896 с.
- 8 Коростелев О.А., Кузнецова Е.В. Иван Бунин и Георгий Иванов: спор о поэзии длиною в жизнь // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018. № 56. С. 226–246. DOI: 10.17223/19986645/56/12
- 9 Складаров О.Н. Об одном «неудавшемся» стихотворении Владислава Ходасевича // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология*. 2007. Вып. 4 (10). С. 63–93.
- 10 Успенский П.Ф. В.Ф. Ходасевич и А.И. Герцен: о названии и поэтике сборника «Европейская ночь» // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2017. Т. 76, № 3. С. 5–22.
- 11 Успенский П.Ф. Модернистский поэт как фольклорный сказитель // *Шаги / Steps*. 2022. Т. 8, № 2. С. 187–204. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-187-204>
- 12 Шубинский В.И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. М.: Молодая гвардия, 2012. 523 с.

Источники

- 13 Белый А. Рембрандтова правда в поэзии наших дней // *Записки мечтателей*. Пг., 1922. № 5. С. 136–139.
- 14 Белый А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2005. Т. 6: Стихотворения. URL: <https://traumlibrary.ru/book/beliy-ssob-06/beliy-ssob-06.html#soo3> (дата обращения: 01.03.2023).
- 15 Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: Согласие, 1996. 736 с.

- 16 Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 2. 470 с.
- 17 *Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. М.: Вагриус, 2006. 384 с.
- 18 И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. 584 с.
- 19 *Крайний А. [Гиппиус З.Н.] Знак // Возрождение*. 1927. 15 декабря. № 926. С. 2.
- 20 Переписка И.А. и В.Н. Буниных с В.Ф. Ходасевичем (1926–1939) / вступ. ст., публ. и коммент. Дж. Малмстада // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 165–219.
- 21 Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 8–164.
- 22 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. V. 622 с.
- 23 Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 2 т. М.: Посев, 2005. Т. 2. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/bunin-ustami-02/bunin-ustami-02.html#s002> (дата обращения: 01.03.2023).
- 24 *Фофанов К.М.* Стансы сыну // *Фофанов К.М.* Стихотворения 1887–1889. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889. С. 92.
- 25 *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. 592 с.
- 26 *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2: Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. 576 с.
- 27 *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. 744 с.
- 28 *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. М.: Русский путь, 2010. Т. 1: Полное собрание стихотворений. 648 с.
- 29 *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. М.: Русский путь, 2010. Т. 2: Критика и публицистика (1905–1927). 720 с.
- 30 *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1989. 336 с.
- 31 *Шкловский В.Б.* Сентиментальное путешествие. URL: https://royallib.com/read/shklovskiy_viktor/sentimentalnoe_puteshestvie.html#o (дата обращения: 01.03.2023).
- 32 *Heywood A.J.* Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections / ed. by Richard D. Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds, 2011. 440 p.

References

- 1 Bogomolov, N.A. "Retseptsia poezii pushkinskoi epokhi v lirike V.F. Khodasevicha (Tezisy dokladov)" ["Reception of the Poetry of the Pushkin Era in the Lyrics of V.F. Khodasevich (Abstracts)"]. *Pushkinskie chteniia v Tartu: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii 13–14 noiabria 1987 g.* [Pushkin Readings in Tartu: Abstracts of Scientific

- Conference November 13–14, 1987]. Tallin, 1987, pp. 77–80. Available at: <https://www.ruthenia.ru/document/524655.html> (Accessed 03 March 2023). (In Russ.)
- 2 Bogomolov, N.A. "Retseptsii poezii pushkinskoi epokhi v lirike V.F. Khodasevicha" ["Reception of the Poetry of the Pushkin Era in the Lyrics of V.F. Khodasevich"]. Bogomolov, N.A. *Russkaia literatura pervoi treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskaniia* [Russian Literature of the First Third of the 20th Century. Portraits. Problems. Explorations]. Tomsk, Vodolei Publ., 1999, pp. 359–376. (In Russ.)
- 3 Bogomolov, N.A. *Russkaia literatura pervoi treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskaniia* [Russian Literature of the First Third of the 20th Century. Portraits. Problems. Explorations]. Tomsk, Vodolei Publ., 1999. 640 p. (In Russ.)
- 4 Zakruzhnaya, Z.S. "Akademicheskii Bunin. Tekstologicheskie problemy podgotovki nauchnogo sobraniia sochinenii" ["Academic Bunin. Textological Issues in the Course of Preparing a Collection of Works"]. *Studia Litterarum*, vol. 2, no. 4, 2017, pp. 394–404. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-394-404 (In Russ.)
- 5 Zakruzhnaya, Z.S., and O.A. Korostev, and M.A. Frolov. "Zapisi i vypiski I.A. Bunina dlia akademicheskogo sobraniia sochinenii" ["I.A. Bunin's Notes and Extracts in View of an Academic Omnibus Edition"]. *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2018, pp. 65–73. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-65-73 (In Russ.)
- 6 Zel'chenko, V.V. *Stikhotvorenie Vladislava Khodasevicha "Obez'iana": Kommentarii* [A Poem "Monkey" by Vladislav Khodasevich: Commentary]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2019. 146 p. (In Russ.)
- 7 Kozhevnikova, N.A. *Izbrannye raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected Works in the Language of Fiction]. Moscow, Znak Publ., 2009. 896 p. (In Russ.)
- 8 Korostev, O.A., and E.V. Kuznetsova. "Ivan Bunin i Georgii Ivanov: spor o poezii dlinoiu v zhizn'" ["Ivan Bunin and Georgy Ivanov: a Lifelong Debate about Poetry"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 56, 2018, pp. 226–246. DOI: 10.17223/19986645/56/12 (In Russ.)
- 9 Skliarov, O.N. "Ob odnom 'neudavshemsia' stikhotvorenii Vladislava Khodasevicha" ["About a 'Failed' Poem by Vladislav Khodasevich"]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya*, issue 4 (10), 2007, pp. 63–93. (In Russ.)
- 10 Uspenskii, P.F. "V.F. Khodasevich i A.I. Gertsen: o nazvanii i poetike sbornika 'Evropeiskaia noch'." ["V.F. Khodasevich and A.I. Herzen: about the Title and Poetics of the Collection 'European Night'."]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, vol. 76, no. 3, 2017, pp. 5–22. (In Russ.)
- 11 Uspenskii, P.F. "Modernistskii poet kak fol'klorny skazitel'" ["Modernist Poet as the Singer of Tales"]. *Shagi / Steps*, vol. 8, no. 2, 2022, pp. 187–204. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-187-204> (In Russ.)
- 12 Shubinskii, V.I. *Vladislav Khodasevich: Chaiushchii i govoriashchii* [Vladislav Khodasevich: Espiring and Talking]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2012. 523 p. (In Russ.)